

5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 588. – Воп. 1. – Спр. 251.
6. НГАБ. – Ф. 146. – Воп. 2. – Спр. 84.
7. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 1. – Т. 44: Кн. штатов. – К № 27887.
8. Wiadomości krajowe // Kuryer Litewski. – 17.05.1819. – S. 1–2.
9. *Войшвилло, Е. М.* Эксдывизорские суды и их компетенция в губерниях бывшего Великого княжества Литовского в конце XVIII и первой половине XIX в. / Е. М. Войшвилло. – Вильна: Тип. Вилен. православ. Св.-Духов. братства, 1899. – 17 с.
10. *Morawski, S.* Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825) / S. Morawski. – Warszawa: Biblioteka Polska, 1924. – 541 s.
11. *Gadon, W.* O exdywizjach, z powodu rozprawy pana Prezydenta Chodźki / W. Gadon // Dziennik Wileński. – 1816. – Т. 4, № 24. – S. 506–518.
12. *Smolka, S.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowem: w 2 t. / S. Smolka. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1907. – Т. 1. – 554 s.
13. *Wawrzecki, J.* O zaradzeniu złym skutkiem exdywizyy / J. Wawrzecki // Dziennik Wileński. – 1817. – Т. 5, № 25. – S. 54–59.
14. *Felińska, E.* Siostrzenica i ciotka / E. Felińska. – Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1853. – 312 s.
15. *Булгарин, Ф. В.* Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина: в 7 т. / Ф. В. Булгарин. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1839–1844. – Т. 1: Иван Выжигин. – 1839. – IX, [3], 245 с.
16. Diabelstwo kulawe («Eksdywizja») // Wiadomości Brukowe. – 4.05.1818. – S. 71–72.
17. Artykuł ze wsi nadesłany // Wiadomości Brukowe. – 19.04.1819. – S. 67–68.
18. Podróż z miasta powiatowego do stolicy przez szlachcica po eksdywizji odbyta // Wiadomości Brukowe. – 3.10.1820. – S. 157–161.
19. НГАБ. – Ф. 1156. – Воп. 1. – Спр. 11.
20. *Paszkiwicz, F.* Co było dotychczas i co jest na przeszkodzie dźwignieniu się rolnictwa w Księstwie Litewskim / F. Paszkiwicz // Dziennik Wileński. – 1815. – Т. 2, № 9. – S. 243–258.
21. О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях от Польши возвращенных и изменении недостатков, противных государственному благоустройству // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1866. – Т. 1. – С. 104–113.
22. *Нольде, А. Э.* Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / А. Э. Нольде. – СПб.: Сенат. тип., 1906. – Вып. 1. – 314 с.
23. НГАБ. – Ф. 588. – Воп. 2. – Спр. 176.
24. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 15. – 1840. – Отд. 1. – № 13342.
25. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 15. – 1840. – Отд. 1. – № 13591.

Дата поступления: 25.09.2018.

Луговцова С. Л.

Белорусский государственный университет, Минск

Lougovtsova S.

Belarusian State University, Minsk

УДК 351.07(476.6)(091)“18”

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖЕВЫХ СУДЕЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОШМЯНСКОГО УЕЗДА)

CHARACTERISTICS OF THE BOUNDARY JUDGES IN BELARUSIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY (THE EXAMPLE OF OSHMYANY DISTRICT)

В статье рассматривается состав межевых судей Ошмянского уезда Виленской губернии Российской империи в 1826 г. по следующим параметрам: возраст, семейное положение, владение крепостными крестьянами, уровень образования, предшествующий служебный опыт. На основании полученных данных автор создает исторический портрет межевого судьи и приходит к выводу, что российская власть стремилась обеспечить замещение должностей в системе местного управления дворянами, имеющими опыт российской службы и знающими русский язык. Однако достичь этой цели в исследуемый период не удалось.

Ключевые слова: межевые суды; шляхта; дворянство; самоуправление; выборы; белорусские губернии; Российская империя.

The article examines the composition of the land-based courts of the Oshmyany district Wilno province of the Russian Empire in 1826. The author analyzes the age, marital status, possession of serfs, the level of education and the previous experience of boundary judges. Based on the data obtained, the author creates a historical portrait of the judge. The researcher comes to the conclusion that the Russian government sought to ensure the replacement of posts in the local government system by the nobles, who had the experience of public service and knew the Russian language. This goal was not achieved during the study period.

Keywords: land-based courts; gentry; nobility; self-government; elections; Belarusian provinces; Russian empire.

На территории Беларуси межевые суды впервые были созданы по указу 1810 г. в Виленской губернии [1, т. 17, № 24370]. В их компетенции находились поземельные споры. С появлением межевых снизилась роль судов подкоморских, существовавших в Великом Княжестве Литовском с XVI в. В 1811 г. действие октябрьского указа 1810 г. было распространено на Гродненскую губернию [1, т. 17, № 24665], а в 1812 г. – на Минскую [1, т. 18, № 25005]. Таким образом, новые органы действовали в трех губерниях, расположенных на территории современной Беларуси. Решения межевых судов являлись окончательными и не подлежали апелляции в Сенате. По мнению А. П. Житко и С. Н. Толмачевой, создание межевых судов с правом окончательного решения по земельным спорам стало значительной уступкой верховной власти Российской империи дворянству Беларуси накануне войны с наполеоновской Францией [2, с. 23].

В соответствии с законодательством межевые суды состояли из суда первой инстанции и апелляционного, располагавшегося в уездном городе. Что касается первой инстанции, то межевой судья разбирал дело непосредственно на месте земельного спора, где и устанавливал границы участков. Апелляционный суд рассматривал жалобы на решения межевых и подкоморских судов. Численность его членов устанавливалась в количестве не менее пяти человек.

Межевые судьи избирались на уездных дворянских собраниях, члены которых в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Российской империи» 1775 г. замещали большинство уездных должностных лиц. Некоторые должности могли совмещаться. На место межевого судьи разрешалось баллотироваться предводителям дворянства, подкомориям, хорунжим, но запрещалось членам гродских и нижних земских судов. По указу 1805 г. к выборам в западных губерниях Российской империи допускались только те дворяне, которые имели недвижимое населенное имение, включавшее не менее 8 дымов [1, т. 28, № 21646]. Однако местные предводители дворянских корпораций регулярно нарушали это правило [3, с. 206–209]. Кроме того,

крупные землевладельцы фиктивно раздавали в заклад мелким шляхтичам свои имения, чтобы предоставить им возможность участия в выборах [4, с. 10].

Межевые судьи содержались за счет тяжущихся сторон. Их численность в уезде составляла от 15 до 21 чел. Например, в 1811 г. в Гродненском уезде было избрано 14 межевых судей, в Новогрудском – 17 [4, с. 9]. Межевые суды вели себя довольно независимо в системе государственных учреждений Российской империи. В частности, они должны были через уездных стряпчих регулярно предоставлять ведомости о решенных и нерешенных делах министру юстиции, а также ведомости обо всех делах, касавшихся казенного имущества, в Департамент государственных имуществ. Но как становится известно из содержания сенатского указа от 8 октября 1815 г., этого не делали [1, т. 33, № 25958].

Межевые судьи пользовались противоречивостью «Положения о межевании Литовских губерний» 1810 г. и действовали самостоятельно. В IV отделении Положения ничего не говорилось о присутствии в судах первой инстанции правительственных чиновников, а в VI отделении указывалось на необходимость такого присутствия в случае рассмотрения дел о казенных лесах. Фактически представители администрации на заседаниях межевых судов не приглашались. Указ 1815 г. требовал обязательного надзора члена губернского правления или стряпчего казенных дел при рассмотрении любых дел, касавшихся споров между казенными и дворянскими именьями [1, т. 33, № 25958]. По жалобе губернского стряпчего Малиновского Сенат признал решение Гродненского межевого суда о выгоне казенного имения Жидомля, находившегося во владении подполковника Парчевского, недействительным на том основании, что суд принял решение без приглашения губернских чиновников. С другой стороны, Сенат отказался предоставить губернскому и уездному стряпчим право надзора за деятельностью межевых судов и присутствия на их заседаниях в тех случаях, когда рассматривались дела, касавшиеся только помещичьих имений [1, т. 33, № 25958].

В данной статье рассматривается состав межевых судей Ошмянского уезда Виленской губернии на основании формулярных списков, составленных в ноябре 1826 г.:

1. Председатель межевого Ошмянского апелляционного суда Антоний Умястовский, 28 лет, «из древних польских дворян», владелец 660 крепостных крестьян мужского пола (далее – м.п.), окончил курс в Виленском университете. Впервые был избран на должность на дворянских выборах в 1820 г. Причем сразу на должность судьи ошмянского земского суда. Женат, детей нет [5, л. 23–24].

2. Судья межевого Ошмянского апелляционного суда Казимир Умястовский, 24 года, «из древних польских дворян», имел в собственности 497 крестьян м.п. Окончил Виленский университет. Впервые избран по выборам и сразу на столь высокую должность в 1826 г. Холост [5, л. 31–32].

3. Судья межевого апелляционного суда Ошмянского уезда Антоний Михаловский, 64 года, «из древних польских дворян», владелец 42 душ м.п. Окончил Виленский университет, был новогрудским адвокатом. Впервые был избран на должность в системе дворянского самоуправления в 1814 г. Женат на Марциане Каминской. Трое детей (сын и две дочери). Сын учился в уездном училище в Борунах [5, л. 37–38].

4. Судья межевого апелляционного суда Александр Гарваский, 30 лет, «из древних польских дворян», владелец 25 крестьян м.п. Учился в Виленском университете. Впервые был избран на должность в Слонимском уезде Гродненской губернии в 1823 г. Причем сразу на должность межевого апелляционного судьи. Холост [5, л. 43–44].

5. Судья межевого апелляционного суда Ошмянского уезда Фелициан Бенкунский, 55 лет, «из литовских дворян». В 1789 г. получил почетный в Речи Посполитой придворный чин шамбеляна. Собственник 232 крепостных крестьян м.п. Предыдущий служебный опыт указан неразборчиво. Холост [5, л. 61–62].

6. Межевой судья Иосиф Некрашевич, 52 года, «из литовских дворян», 28 крепостных м.п., с 1793 г. работал адвокатом в ошмянских присутственных местах. Впервые был избран в 1820 г. на должность регента в местный подкоморский суд. Женат, четверо детей. Старший сын Ян (29 лет) также работал адвокатом [5, л. 25–26].

7. Межевой судья Иосиф Щепанович, 69 лет, «из литовских дворян», владелец 17 душ м.п., с 1784 г. служил в канцелярии ошмянского земского суда. Впервые был избран на должность

в системе дворянского самоуправления в 1795 г. Холост [5, л. 27–28].

8. Межевой судья Бруно Селянка (фамилия указана в списке не совсем разборчиво), 25 лет, из дворян, владелец 61 душ м.п. В 1822 г. окончил Виленский университет. Впервые был избран в 1826 г. Холост [5, л. 29–30].

9. Межевой судья Феликс Комар, 46 лет, «из литовских дворян», владелец 55 крепостных. «По окончании курса наук в Виленском университете в 1796 году изучал законы в присутственных местах Вильны» [5, л. 33]. Впервые был избран на должность в системе местного управления в 1805(6?) г. Женат, детей нет [5, л. 34].

10. Межевой судья Франц Мокржицкий, 26 лет, из дворян, 13 душ крестьян. «По окончании наук в уездном училище в Борунах обучался законам при ошмянских присутственных местах с 1822 г.» [5, л. 39]. Впервые избран на должность в 1826 г. Холост [5, л. 40].

11. Межевой судья Франц Алюдзинский, 25 лет, «из литовских дворян», владелец 66 крепостных м.п. Окончил училище в Борунах. Впервые избран на должность в системе дворянского самоуправления в 1826 г. Женат, детей нет [5, л. 41–42].

12. Межевой судья Онуфрий Гнатовский, 44 года, «из литовских дворян», собственник 29 крепостных крестьян. Занимал выборные должности с 1807 г. Женат, дочь 10 лет [5, л. 57–58].

13. Межевой судья Шимон Гоницкий, 54 года, «из литовских дворян», владелец 24 крестьян, в годы правления Станислава Августа Понятовского находился на военной службе. Впервые был избран на должность в системе дворянского самоуправления в 1826 г. Женат, имеет сына [5, л. 45–46].

14. Межевой судья Иван Сулькевич, хорунжий войск Речи Посполитой, 59 лет, из литовских татар. Собственник 29 крестьян. На военной службе находился с 1770 по 1791 г. Впервые был избран в 1826 г. Женат, четверо детей [5, л. 47–48].

15. Межевой судья Ошмянского уезда Франц Юрага, 37 лет, «из польского дворянства», владелец 14 душ м.п. В 1826 г. впервые был избран на должность в системе дворянского самоуправления. Холост [5, л. 49–50].

16. Межевой судья Гиацинт Пиотрашка, 32 года, «из литовских дворян». По окончании минской гимназии «обучался в ошмянских судебных местах с 1817 г.». Впервые избран на должность в 1820 г. Холост [5, л. 59–60].

17. Межевой судья Михаил Корсак, 37 лет, «из польских дворян», владелец 182 крепостных

крестьян, начал выборную службу с 1817 г. Холост [5, л. 51–52].

18. Межевой судья Леон Кунцевич, 35 лет, «из литовских дворян». По окончании училища обучался в ошмянских судебных местах. Приступил к службе по выборам с 1812 г. Женат, две дочери [5, л. 53–54].

19. Межевой судья Матвей Ельяшевич, 35 лет, «из литовских дворян», владелец 50 крестьян. На гражданской службе с 1820 г., на выборную должность избран впервые. Холост [5, л. 55–56].

Первое, что привлекает внимание в списке, – это высокий уровень образования у межевых судей Ошмянского уезда. Шесть человек из девятнадцати (ок. 30 %) закончили университет. Фантастический показатель! Автором данной статьи был проанализирован список дворян Лидского уезда за 1835 г. (1963 чел. обою пола) и высказано предположение, что девять лидских дворян (не всегда ясно указано в списке) имели высшее образование. Утверждать это можно относительно пяти человек: казначея уезда И. Ельца, профессора Виленского университета И. Юндзила, инженера К. Юндзила, графа В. Путкамера, инженера и историка Т. Нарбута [6, с. 104]. Приведем для сравнения еще один пример: среди 109 дворян, избранных на разные должности в системе местного управления в Могилевской губернии в 1832 г., только двое – заседатель Сеннинского суда Ф. Слежановский и уездный судья Быховского уезда А. Порембский – закончили Виленский университет [7, л. 143–189]. Наконец, из 314 помещиков Лепельского уезда Витебской губернии, имевших в 1824 г. годовой доход более 150 рублей, только братья Иосиф и Петр Селява были кандидатами философии [8, л. 43–44]. По данным И. Н. Трестьян, среди чиновников губернских правлений и канцелярий губернаторов пяти белорусских губерний в 1830 г. высшее образование имел 1 человек из 71, что составляло 1,4 %. В связи с малочисленностью лиц с высшим образованием этот показатель существенно колебался. Например, в 1839 г. таких чиновников было уже 5 из 222, или 2,3 %. Самый высокий удельный вес лиц с высшим образованием среди чиновников губернских правлений и канцелярий губернаторов на территории Беларуси в первой половине XIX в. относится к 1814 г., когда он составил 7,3 % (6 из 82) [9, с. 242]. А в рассматриваемом списке Ошмянского уезда фактически все 5 членов уездного межевого апелляционного суда имели высшее образование. Сведения отсутствуют только относительно Ф. Бенкунского. У нас, однако, нет сомнений, что собственник 232 крепостных крестьян м.п. получил достойное образование.

Кроме того, среди межевых судей не менее 5 человек (может быть, и более) закончили уездные училища в Минске и Борунах. На наш взгляд, именно высокий авторитет Борунского училища (и его близость к дому) сыграли ключевую роль в высоком уровне образованности ошмянской шляхты. По мнению С. В. Морозовой, базилианские училища в Борунах, Березвече, Бресте, Витебске, Вербилове, Жировичах и другие – «яркая, але яшчэ далёка не асэнсаваная з’ява гісторыі асветы на Беларусі канца XVIII – першай трэці XIX ст.» [10]. Реформированные на основе статута Эдукационной комиссии школы ордена за 6 лет обучения давали большой объем знаний по математике, географии, истории и другим предметам. В разное время в Борунах обучалось от 140 до 200 юношей, в первую очередь сыновей шляхты Ошмянского уезда. В 1783 г. в школе было 180 учеников, в 1803 г. – 150, в 1804 г. – 140, в 1820-е гг. – около 200 [10]. По воспоминаниям выпускника училища А. Одынца, учебные заведения базилианского ордена поставляли в Виленский университет наиболее подготовленных студентов. Самые теплые воспоминания об учебе в Борунской школе оставил И. Ходько [11].

Среди межевых судей Ошмянского уезда только председателя апелляционного суда А. Умястовского можно отнести к крупным помещикам (>500 крестьян м.п. в собственности), троих – к помещикам «средней руки» (от 100 до 500 душ в собственности). Абсолютное большинство межевых судей относились к мелким собственникам. 13 человек владели от 13 до 66 крепостных крестьян м.п. В рассматриваемом списке отсутствуют данные о численности зависимых крестьян у Г. Пиотрашки и Л. Кунцевича, т. е. они относились к мелким собственникам или вовсе не имели крепостных. Таким образом, абсолютное большинство (79 %) межевых судей Ошмянского уезда относились к мелким помещикам, имевшим в собственности менее 100 душ крепостных крестьян.

9 из 19 межевых судей (47 %) начали свою службу сразу с выборных должностей, в том числе это относится ко всем четырем состоятельным собственникам, каждый из которых владел более 100 крепостных крестьян м.п. Эти данные коррелируют с ситуацией в Могилевской губернии, где среди выборных должностных лиц в 1832 г. 41 чел. из 109 начали свою службу по выборам (38 %) [7, л. 143–189]. Подчеркнем, что в первой четверти XIX в. российское правительство стремилось допускать к выборной службе в западных губерниях только тех дворян, которые имели опыт военной и гражданской службы в империи, знали русский язык. В частности, по указу 1823 г. разрешалось участие в выборах нечиновных дворян, но только

тех, которые ранее имели опыт выборной службы [1, т. 38, № 29346]. Указ декларировал, что разрешение дано решительно в последний раз, и если по истечении трехлетия не окажется достаточно-го числа чиновных дворян к замещению должностей, то их займут чиновники от короны. Но, как мы видим, среди 19 межевых судей, избранных в Ошмянском уезде в 1826 г., 9 человек (братья Антоний и Казимир Умястовские, А. Михаловский, А. Гарваский, И. Некрашевич, И. Щепанович, Б. Селянка, О. Гнатовский, М. Корсак) точно не имели опыта российской административной или военной службы. Остальные межевые судьи, скорее всего, также не имели российских чинов, иначе это нашло бы отражение в их формулярных списках. Несмотря на прямое распоряжение в 1823 г. в случае нехватки нечиновных дворян назначать на выборные должности чиновников от короны, в 1826 г. это коснулось только земских исправников и половины заседателей нижних земских судов Виленской, Гродненской и Минской губерний [1, т. 33, № 26132]. Вместе с тем сенатский указ 1826 г. ясно требовал не допускать к выборам дворян, которые не имели российских чинов и не знали русского языка [1, т. 33, № 26132]. Очевидно, что указ в Ошмянском уезде не исполнялся.

Что касается предшествующего служебного опыта межевых судей уезда, то семь человек имели опыт только выборной службы, пятеро прежде работали на различных канцелярских должностях, скорее всего, в той же системе местного дворянского самоуправления. В данном списке и других аналогичных документах автор неоднократно встречала следующую запись относительно того или иного шляхтича: «обучался в судебных местах». Ясно, что речь идет об обучении на рабочем месте. Два человека ранее работали в качестве адвокатов, двое служили в войсках Речи Посполитой. Еще двое межевых судей не имели опыта службы. Относительно Ф. Комара в списке нет сведений.

Среди межевых судей 6 человек указали свое происхождение «из польских дворян» (причем четверо – «из древних польских»), 10 – «из литовских», два человека – просто «из дворян» (на наш взгляд, их следует отнести ко второй группе). И, наконец, И. Сулькевич засвидетельствовал свое татарское происхождение.

Большинство межевых судей Ошмянского уезда были холостыми (10 человек, или 53 %). Причины высокого удельного веса холостых дворян среди чиновников белорусских губерний были рассмотрены нами ранее [12]. В частности, среди 109 дворян, избранных на разные должности в Могилевской губернии в 1832 г., холостые составляли 52 человека, т. е. 48 % [7, л. 143–189]. В данном случае подчеркнем, что из десяти холостых межевых судей пятеро были не старше 32 лет. Для сравнения: средний возраст вступления в брак для мужчин в Лидском уезде в 30-е гг. XIX в., по нашим подсчетам, составлял 31 год [6, с. 118]. Возрастными кавалерами среди ошмянских судей были только Ф. Бенькунский (55 лет) и И. Щепанович (69 лет).

Таким образом, абсолютное большинство (15 человек, или 79 %) межевых судей Ошмянского уезда составляли холостые помещики, владевшие менее 100 крепостных крестьян м.п. Они имели очень высокий уровень образования: не менее 58 % (11 человек) межевых судей (возможно, и более) закончили Виленский университет или уездное училище. Большинство судей (14 человек, или 74 %) начинали свою службу сразу с выборных должностей или канцелярских должностей в системе местного управления. Еще двое, прежде чем были избранными, работали адвокатами. Шляхта бывшей Речи Посполитой демонстрировала желание сохранить привычное влияние в системе самоуправления, продолжала оставаться в кругу местных языковых и культурных традиций.

Другими словами, мы можем составить исторический портрет межевого судьи Ошмянского уезда Виленской губернии в 1826 г. Это местный шляхтич около 40 лет, холостой, имеющий в собственности менее 100 крепостных крестьян м.п. Он закончил Виленский университет или Борунское училище базилианов. Круг его интересов сосредоточен в среде местной шляхты. Он не имеет военных или гражданских чинов Российской империи, заинтересован в участии в работе органов местного управления. Как правило, его служба начиналась по выборам или в качестве канцелярского служащего в местных судебных учреждениях с целью приобретения опыта для последующей выборной службы.

Список использованных источников

1. *Жытко, А. П.* Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі (канец XVIII – сярэдзіна XIX ст.) / А. П. Жытко, С. А. Талмачова // *Весці БДПУ. Сер. 2.* – 2014. – № 2. – С. 20–25.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
3. *Шило, Е. В.* Правительственная регламентация дворянских собраний в западных губерниях Российской империи (последняя четверть XVIII в. – 1831 г.) / Е. В. Шило // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.].* – Мінск: БДУ, 2014. – Вып. 9. – С. 206–213.

4. *Токць, С.* Шляхецкае самакіраванне ў Гродзенскай губерні (пачатак XIX ст. – 60-я гг. XIX ст.) / С. Токць // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 1997 – № 7. – С. 5–22.
5. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 391. – Оп. 2. – Д. 45.
6. *Луговцова, С. Л.* Дворянство Лидского уезда Гродненской губернии: попытка историко-демографического анализа / С. Л. Луговцова // *Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku* / под ред. Т. Байрашаускайте. – Вильнюс, 2015: LI leidykla. – С. 104–120.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАРБ). – Ф. 1297. – Оп. 1. – Д. 6198.
8. НИАРБ. – Ф. 2512. – Оп. 1. – Д. 129.
9. *Трестьян, И. Н.* Эволюция системы местных органов государственной власти на территории Беларуси (1772–1856 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Н. Трестьян. – Минск, 2018. – 243 с.
10. *Марозава, С. В.* Барунскі базыльянскі манастыр (канец XVII – першая трэць XIX ст.) / С. В. Марозава // *Pawet* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pawet.net>. – Дата доступа: 14.07.2018.
11. *Chodźko, I.* *Boruny* / Ignacy Chodźko. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1925.
12. *Луговцова, С. Л.* К вопросу о брачной структуре белорусской шляхты в первой четверти XIX в. / С. Л. Луговцова // *Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі: зб. навук. арт. / уклад.: В. В. Яноўская, Р. У. Зянюк; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі*. – Мінск: Беларус. навука, 2018. – С. 112–119.

Дата поступления: 06.11.2018.

Купченко К. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленский филиал, Смоленск

Kupchenko K. V.

The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Smolensk branch, Smolensk

УДК 94(470)«16/18»

ЕСИПОВИЧ ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ – «ОТЕЦ» СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ESIPOVICH YAKOV GRIGORIEVICH – «FATHER» ARCHITECT OF JUDICIAL REFORM OF RUSSIA OF OTHER HALF XIX CNT.

Работа посвящена исследованию биографии и деятельности Якова Григорьевича Есиповича на государственных должностях, его участию в разработке проектов судебной реформы второй половины XIX в. в России.

Ключевые слова: Я. Г. Есипович; судебная реформа в России.

The article is devoted to research of the biography and Yakov Grigor'evich Esipovich's activity on state positions, his participation in development of projects of judicial reform of other half XIX cnt. in Russia.

Keywords: Esipovich Y.G.; judicial reform in Russia.

Вторая половина XIX в. в истории России благодаря примененному в январе 1881 г. в докладе Александру II министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым термину получила название «Великие реформы».

Одно из центральных мест в преобразованиях Александра II занимала судебная реформа 1864 г., суть которой заключалась в радикальном изменении процессуального законодательства, системы судопроизводства на основе обобщения и использования имеющегося положительного мирового опыта.

В подготовке и осуществлении судебной реформы принимала участие целая группа талантливых российских юристов: С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, К. П. Победоносцев, Н. А. Буцковский и ряд других, чьи имена известны лишь узкому кругу специалистов. К их числу относится государственный деятель, юрист Яков Григорьевич Есипович.

Я. Г. Есипович родился 22 октября (3 ноября) 1822 г. в Рославльском уезде Смоленской губернии [4]. Начальное образование получил в Первой Московской (губернской) гимназии. В числе